

Валентин
Чикин

ЛУЧ «ПРОЛОГА»

(В. И. ЛЕНИН и Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ)

МОИМ любимейшим автором был Чернышевский... — с сознанием гордой правоты говорит Владимир Ильич Ленин в одном принципиальном споре о своем юношеском избрании духовного наставника. — Узнав его адрес, я даже написал ему письмо и весьма огорчился, не получив ответа.

Будущий пролетарский вождь, стратег Октября, едва переступил порог совершеннолетия, уже отбывал тогда свою первую ссылку в казанской деревне.

Великий поборник человеческой правды, мыслитель и революционер, стоический мученик царизма, едва вырвавшийся из двадцатилетнего заточения, подходил уже к последней черте жизненного пути.

«Для меня была большой печалью пришедшая через год весть о его смерти». На бережно хранимом фотопортрете Н. Г. Чернышевского Владимир Ильич делает пометку: умер 17 октября 1889 г. в Саратове.

Судьба распорядилась так, что не произошло этого личного контакта, непосредственного соединения двух великих сынов России, посвятивших себя одному свяченному делу борьбы за свободу и счастье народа. Но с юношеских лет, с первого глубокого приобщения к наследию Чернышевского, Ленин считал себя его учеником и преемником.

Из периода своего духовного становления Ленин особо выделяет год высылки в деревню после знаменитой ссоры в Казанском университете. В книжных шкафах дедовского дома в Кокучинке ему посчастливилось обнаружить целый арсенал антицаристского оружия, и в частности комплекты журналов «Современник», где были опубликованы статьи Чернышевского. «О многих взглядах его, — замечает Вла-

димир Ильич, — нужно было догадываться, но если подолгу, как я это делал, вчитываться в его статьи, приобретается безошибочный ключ к полной расшифровке его политических взглядов, даже выраженных иносказательно, в полупонамеках».

Что приносят первые углубленные уроки, тщательное чтение «с карандашиком»? Благодаря Чернышевскому происходит первое знакомство Ленина с философским материализмом; с его помощью определяет он и роль Гегеля в развитии философской мысли, понятие диалектического метода, и это открывает ему путь к постижению марксистской диалектики. Потом, уже в зрелые годы, в период широкой борьбы на философском фронте, когда надо было защитить диалектический материализм от нашествия эмпириокритиков, Ленин заново проштудировал работы Чернышевского и еще раз подтвердит: мы — вместе, в одном борющемся стане. Чернышевский — действительно единственный русский писатель, сумевший с середины прошлого века остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианства, позитивистов, махистов и прочих путаников. Вполне понимая и объясняя историческую ограниченность воззрений Чернышевского, Ленин назовет его «величайшим представителем утопического социализма в России».

«От доски до доски, — как подчеркивает Ленин, вспоминая свое юношеское ученичество, — были прочитаны великолепные очерки Чернышевского об эстетике, искусстве и литературе и выяснилась революционная фигура Белинского». Тогда же происходит и серьезное приобщение к политической экономии — этому способу воительские, бес-

компромиссные выступления великого русского социалиста по крестьянскому вопросу и его хлесткая критика буржуазной экономической науки. «...Благодаря статьям Чернышевского, — подтверждает Ленин, — я стал интересоваться экономическими вопросами, в особенности тем, как живет русская деревня». Открытием реалистического мира становятся и «замечательные по глубине мысли» обзоры событий и жизни за рубежом.

«Энциклопедичность знаний Чернышевского, яркость его революционных взглядов, беспощадный полемический талант — меня покорили» — таков ленинский итог первого знакомства с творчеством великого мыслителя.

Именно у Чернышевского, счастливо сочетавшего талант проникательного ученого-социолога с тонким чутьем и зоркостью писателя, Ленин научился мыслить на языке фактов. Картину российской действительности, которую Ленин застал, Чернышевский глубоко осмыслил и обрисовал не только в своих исследовательских статьях, но и в художественных полотнах.

К тому времени, когда родится Ленин, для Николая Гавриловича Чернышевского уже отойдут в прошлое мрачные страницы семисотдневного заключения в Петропавловской крепости, и гражданская казнь, и каторга на Нерчинских рудниках, Александровском заводе. Но еще предстоит пройти не менее мрачный отрезок жизненного пути — четыре с половиной тысячи дней чудовищной вилуйской ссылки на якутском Севере.

Прогрессивно мыслящую Россию Чернышевский поразили своим подвигом высочайшего гражданского мужества. В казематах Петропавловки его неустанным пером одухотворило тысячи страниц: он создал около тридцати расска-

зов, повестей, свой бессмертный роман «Что делать?» — всего свыше двухсот авторских листов. В ссылке он задумывает еще более обширный цикл произведений, составной частью которого должен был стать роман «Пролог», рожденный у порога первого ленинского десятилетия, Ольга Сократовна Чернышевская, получившая от мужа незаконченную рукопись романа в начале 1871 года, конечно же, не могла добиться ее публикации в России, где под строжайшим запретом было даже само имя «государственного преступника». Роман издадут в Лондоне русские революционеры из окружения Маркса, в России же он не увидит свет вплоть до первой русской революции.

Молодой Ленин тем не менее найдет доступ к «Прологу», с всепоглощающим вниманием будет исследовать развернутые в романе картины общественной борьбы в период проведения крестьянской реформы 1861 года, вглядываться в социальные портреты яростных крепостников, прекраснотдушных либералов, коварных реформаторов и подлинных сострадателей народному горю — революционеров-демократов. Эти картины и характеры действующих лиц на сцене социальной борьбы тем более впечатляют своим реализмом, интеллектуальным зарядом, что автор довольно прозрачно дает понять: все обрисованное взято с натуры, роман автобиографичен.

У начала своего многотрудного и великого пути Владимир Ильич ощущает в непосредственной близости присутствие героев «Пролога». Из петербургских гостиных Волгина, Илотонцева жаркий спор переносится в аудиторию кружка самарских марксистов, где Ленин выступает с рефератами против либеральных народников; а затем на страницы его полемической книги «Что такое «друзья народа»...», где для оценки сути крестьянской реформы вслед за научными аргументами он предоставляет слово романтическому герою Волгину. Заметив в скобках, что в уста Волгина Чернышевский вкладывает свои мысли, Ленин воспро-

изводит целые сцены, цитирует монологи, афористические реплики. И здесь, среди глубоких волгинских откровений, Владимир Ильич отдает дань восхищения пронительности своего великого учителя.

«Нужна была именно гениальность Чернышевского, чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы (когда еще не была достаточно освещена она даже на Западе), понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер, — чтобы понимать, что уже тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства. И при этом Чернышевский понимал, что существование правительства, прикрывающего наши антагонистические общественные отношения, является страшным злом, особенно ухудшающим положение трудящихся».

Еще один урок революционной мудрости. От Чернышевского, как отмечает Н. К. Крупская, Ленин унаследовал «недоверие к либерализму, ненависть к либеральному фразерству, и это многое определило в его политической деятельности, об этом можно судить хотя бы по решительному разрыву с меньшевиками. На страницах ленинских сочинений не единожды встречаешь хлесткие характеристики, которыми «одарили» либералов Чернышевский, и представляешь, как долго — и через пять лет после прочтения «Пролога», и через двадцать пять — перед мысленным взором Владимира Ильича явно возникает впечатляющая сцена из романа.

Вечерний чай у Волгиных, музыкальный экспромт хозяйки у рояля, грустное пение гостя... И откровение самого Волгина, озабоченного тем, как бы из доброго дела — освобождения крестьян — не вышло мерзости. Вот он-де, Волгин, бранил в свое время французских демократов за то, что они «сочинили фееральскую революцию», когда общество не готово было поддержать их идеи; но там хоть обстоятельство заставляли

«участвовать в сочинении глупости». А теперь, в решении крестьянского вопроса, зачем же либералы толкают дело к мерзостному исходу? «Эх, наши господа инициаторы, все эти ваши рязанцевы с компанею! Вот хаустуны-то, вот болтуны-то, вот дурачье-то!» Не раз у Ленина эхом повторится этот вздох горького сокрушения, когда вновь и вновь придется изобличать испуг либералов перед революцией, «их бесхарактерность и холопство перед властью имущими».

Уроком революционного патриотизма можно назвать то глубокое воздействие, которое произвели на Владимира Ильича и вся подвижническая жизнь Н. Г. Чернышевского, и с большою вершиной им суд гражданскому мелководию. Произнося суровый приговор сочувствующим народному горю, но бездеятельным эмансипаторам, Чернышевский восклицает: «Жалкая нация, жалкая нация! Нация рабов, — снизу доверху, все сплошь рабы...».

Полвека спустя этот мотив страдающего сердца великого сына России станет для Ленина важнейшим лейтмотивом в выяснении принципиального взгляда на вопрос о национальной гордости великороссов. Обвинительное слово Чернышевского он поставит в прямой укор высокоблагородным рабам монархии и чисто-сердечно признает: «А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было. Теперь ее мало, но она уже есть. Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм...» Уже в начале века, после революции, пятого года, Ленин может с убежденностью сказать: народилось то великое движение, которое превратит «жалкую нацию, нацию рабов» в нацию штурмующих небо.

Наконец, главный урок Чернышевского, с глубочайшей благодарностью воспринятый Лениным...

На путь борьбы Ленин аста-ет еще до того, как в нем сформировался марксист, да-же до знакомства с сочинениями Маркса, Энгельса, Плеханова. Во многом это становление определило влияние Чернышевского. И началось оно с «Что делать?». Поставив этот радикальный вопрос перед русским обществом, перед новыми людьми, Чернышевский однозначно и исчерпывающе отвечает: «быть революционером». И целые когорты новых людей приходят в революцию. «Он, например, — подтверждает Владимир Ильич, — увлек моего брата, он увлек и меня. Он меня всего глубоко перепахал».

Величайшую заслугу Чернышевского Ленин видит в том, что он не только доказал: всякий правильно думающий, действительно порядочный человек должен быть революционером, но и показал другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления.

Всякий раз помяная имя Чернышевского — в статьях ли, публичных ли выступлениях, доверительных ли беседах, — Владимир Ильич обращает внимание на нерасторжимую слитность революционной мысли, слова и дела, на универсальность этого человеческого образца.

Даже в одном из послеоктябрьских выступлений, рассуждая о смысле революционного подвига борца и класса борцов, Владимир Ильич вспоминает пример Чернышевского. Может быть, кто-то скажет: «Ну, что же, разбил человек себе жизнь, попал в Сибирь, ничего не добился». По мнению Владимира Ильича, это может быть либо голос темноты и безысходного невежества, либо злостная лицемерная защита интересов реакции. Нельзя рассматривать личные жертвы революционера внешне, без связи с содержанием его деятельности, без связи с предыдущими и последующими поколениями борцов. Сколько сердец пробудили мученическая жизнь и великое дело Чернышевского! И сам Ленин повторил его

путь в Сибирь, конечно, уже без прежних жестокостей — укоротились-таки щупальца царизма, — но он готов был ко всему, все решил пройти, все преодолеть.

Из идейного и духовного наследия, из всей жизни своего учителя Владимир Ильич старательно извлекает все практические уроки революционной стратегии и тактики, постоянно пополняет арсенал марксистской науки борьбы. Не одна искрометная мысль великого революционного демократа обрела в ленинском аранжировке характер крылатой мудрости, действенного принципа. По образу мысли и действия своего учителя Ленин воспитывает племя пролетарских борцов, руководствуясь его строгим правилом: кто боится испачкать себе руки, тот пусть не берется за политическую деятельность.

Владимир Ильич любил повторять: «Исторический путь — не тротуар Невского проспекта». Знаменательно, что эти сакраментальные слова Чернышевский произносит по поводу «Политико-экономических писем к президенту Американских Соединенных Штатов». А полвека спустя Ленин приводит их в «Письме к американским рабочим». Его глубоко огорчает, что «русские революционеры, со времен Чернышевского, неисчислимыми жертвами заплатили за игнорирование или забвение этой истины»; и ему хочется, чтобы преданные рабочему классу революционеры Западной Европы и Америки платили «не так дорого» за ее усвоение.

Всегда — с юношеских постижений в казанской деревне до последней рабочей зимы в Кремле — Ленин неустанно вслушивался в пророческий голос своего великого учителя, безраздельно доверял его опыту и интуиции народного борца. Именно это уважение и доверие побудили его к редкостному сравнению. «Существуют музыканты, — заметил он однажды, — о которых говорят, что у них абсолютный слух, существуют другие люди, о которых можно сказать, что они обладают абсолютным революционным чутьем». И он назвал два имени — Маркс и Чернышевский.